
Елена Аболишина
Тайна старого колодца

Елена Аболишина

Тайна старого колодца

«Автор»
2026

Аболишина Е. В.

Тайна старого колодца / Е. В. Аболишина — «Автор», 2026

В маленьком провинциальном городке оживают древние легенды. Какие тайны скрывает старый колодец на краю леса? И кто прячется за внешностью друга детства? Алекса, обычная девчонка с необычным именем, и ее верная подруга Юлька пускаются в рискованное расследование.

© Аболишина Е. В., 2026
© Автор, 2026

Елена Аболишина
Тайна старого колодца

Елена Аболишина
Тайна старого колодца
Пролог
1848 г.

– Придёт – не придёт, к чёрту пошлёт – к сердцу прижмёт… придёт – не придёт… – ромашка теряла лепесток за лепестком. – К чёрту пошлёт…

Наташа смотрела на последний лепесток, не решаясь оторвать его. Нет! Это всего лишь глупый цветок. Он любит её! Её, и только её! Вот и сегодня обещал быть. Сказал – с важной вестью. Неужели? Сердце беспокойно стукнуло, тёплая волна надежды накрыла девушку.

Наташа отбросила сомнения вместе с растрёпанной ромашкой, поправила юбку и вернулась к охапке мелких голубых цветков. В ловких руках быстро рос венок из незабудок.

Послеобеденное солнце нагрело гладкие бревна колодезного сруба. Здесь, на опушке леса было тихо и спокойно. Здесь было их место. Здесь он впервые поцеловал её. Здесь потом всё и случилось…

****

Могла ли она, обычная деревенская девчонка, которую вызвали в господский дом прислуживать барыне, подумать, что в неё влюбится её сынок?

Николай. Николенька. Когда Наташа появилась в доме, он учился в Петербурге. Приезжал на каникулы. Иногда с другом. Подолгу гулял по полям, сидел на берегу реки, хлеща палкой воду. Дед Евлампий сказал, это такая барская уда – щуку удить. Чудной! Наташе смешно было наблюдать за молодым барчуком.

Потом всё изменилось. Николая привезли в отчий дом жандармы. Выдали барину предписание – за вольнодумство определить ссылку в отцовском имении без права выезда и посещения университета. Николай стал молчалив и угрюм. Всё сидел в своей комнате, по полям и лесам больше не гулял. Наташа слышала, как барин кричал: «От наследства отлучу, если хоть шаг из имения сделаешь! Позор! Позо-о-о-ор!». «Сатрап! Рабовладелец! – не отставал Николай. – Душитель прогресса!» А барыня капала пустырнику в рюмку и, причитая, успокаивала мужа и сына.

«Бомбист и рьеволюцьонэр!» – шептал дед Евлампий, страшно вращая глазами. Кучер Евлампий возил барина, много где бывал. Наташа ему верила и пугалась. Но любопытство сильнее страха. И девушка продолжала подглядывать за мятежным юношей.

Как-то барыня надумала солить огурцы и послала Наташу за водой к дальнему колодцу. Колодец стоял на опушке леса за рекой. Питали его студёные ключи. От колкой и сладкой воды немели губы, язык и горло. Две кадушки давно наполнены, но девушка не спешила. Барыня подождёт. Всё равно обедают, а потом спать изволят. Вокруг колодца ковром росли незабудки. Маленькие, нежные, небесно-голубые, с жёлтыми точками-серединками. Часто Наташа собирала букет и ставила себе в горнице. А сейчас решила сплести венок.

– Что за ангел явился мне? – мужской голос прозвучал неожиданно.

Наташа вздрогнула и обернулась. Венок не удержался, соскользнул, чужая рука подхватила его и осторожно вернула на русую головку.

Перед Наташей стоял «бомбист и рьевольюционэр». От угрюмости не осталось и следа, сейчас он напоминал того Николеньку, что приезжал на лето, бегал по полям, читал стихи и удил плотву.

Наташа зарделась. Одно дело – подглядывать за барчуком, а другое – встретить его наедине.

– Как зовут тебя, ангел мой?

– Наташа.

– Ната-а-а-ша. Красивое имя. Ты у моей маменьки прислуга, так ведь? – Наташа лишь кивнула. – Говорю же – сатрапы… такое чудо заставлять воду в кадушках носить. И этот венок… Жаль, я не художник.

Наташа смешалась окончательно, горячая волна накрыла её с головой, расцвечивая маками щёки. Подхватила на коромысло кадушки и пошла, почти побежала, расплескивая воду, прочь.

Венок из незабудок остался там, у колодца. Вечером, вернувшись в свою комнатенку, увидела его на подоконнике. Под венком лежала записка. Наташа нежно водила пальцем по буквам и завитушкам, не понимая их смысл. Ей было достаточно того, что Он написал ей. Девушка бережно сложила записку и, вместе с веточкой незабудки, спрятала в жестянку из-под ландринов*. В коробке она хранила нехитрые сокровища: пятак, пожалованный барином на Рождество; образок, который дала матушка, провожая в барский дом; стеклянные бусы, подаренные барыней на именины. Теперь к ним прибавилось письмо Николая. Николеньки.

На другой день он заловил её в коридоре и жарко зашептал в макушку:

– После обеда, как матушка с папенькой почивать изволят, приходи к колодцу.

Надо ли говорить, что она пошла? И потом, и ещё…

****

Наташа вздохнула, прислушалась к себе. Вроде бы всё, как обычно. Но она знала – внутри уже растёт новая жизнь. Николенька всё не шёл. За лесом поднималась чёрная туча. Быть грозе. Успеть бы до бури. Да где же он?

Девушка стряхнула с юбки листья и осыпавшиеся голубенькие лепестки. Нежным облачком они вспорхнули и исчезли в траве. Наташа надела на голову венок, наклонилась к колодцу – глубоко внизу плескалось синее зеркало. В нём отражалась маленькая головка. Венок окружал голову девушки светящимся ореолом.

– Ну чисто ангел! – Наташа кокетливо поправила цветы и выпрямилась. От резкого движения голова закружилась, деревья вокруг колыхнулись волной. – Ух, не хватало ещё свалиться туда.

Зашуршали кусты, на тропинку выбрался Николай. Увидев Наташу, замедлил шаг, словно не её ожидал увидеть. Она разулыбалась, кинулась навстречу.

– Николенька, любый! Что так долго не шёл? Уж извелась вся.

– Погоди, Наташа. Мне что-то сказать тебе надобно. – Николай был непривычно серьёзен и холоден.

Наташино сердечко стукнуло и замерло. Где-то за лесом прогремел громовой раскат. Порыв ветра сорвал с головы венок, взбламутил юбку.

– Что-то случилось? Тебя отсылают в город, учиться?

– Н-нет… Наташа, мы… ты, я знаю, должна понять. Это не в моей воле.

– Да говори же! Что?! – голос сорвался в крик, наперед уже догадавшись обо всём.

– Наташа, ангел мой! Мы не можем быть вместе. – Николай упал на колени, притянул к себе девушку. – Я скоро женюсь. Но ты знай, люблю только тебя! Не её. Только тебя!

– А как же… ребёночек?

– Ребёно… Что?! Какой ещё ребеночек? – Николай вскинул голову, лоб рассекла глубокая складка. Она всегда появлялась, когда он сердился. – Ты что, забрюхатила?

– Нииколенька, послушай…

– Ты, девка, в своём уме? Кем себя возомнила? – Николай вскочил, оттолкнул Наташу. – Байстрюков мне рожать надумала?!!

Небо рассекла молния, следом громыхнуло так, что заложило в ушах, а на языке появился противный металлический привкус. Наташа смотрела на беснующегося Николая, не веря, что

это он, её Николенька. Николенька, который читал непонятные, но красивые стихи, который нежно целовал её губы, баюкая её лицо в ладонях, Николенька, который клялся ей в вечной любви и говорил о презрении к сословиям.

Наташа вдруг отчетливо поняла, что ничего из того, о чём она мечтала, не будет. И ребёночка тоже не будет. Крик смертельно раненного животного разорвал легкие, взорвался в голове чёрным фонтаном.

Блеснула молния, и время остановилось. Голубое сияние окутало Николая. Он ещё что-то кричал, но рот уже кривился от ужаса и невыносимой боли, чернели губы, обнажая десны. Волосы на мгновение встали дыбом и вспыхнули белым огнем. А потом всё закончилось. То, что только что было человеком, осело на землю маслянистой кучкой пепла. И сразу хлынул ливень. Потоки воды смывали грязь, ужас и боль.

Наташа стояла и смотрела, как вода уносит то, что осталось от её любви и жизни. Взгляд зацепился за кусочек неба в траве. Венок из незабудок, помятый и истерзанный, трепетал под струями дождя. Нежные лепестки осыпались, оставляя стебли и мятые листочки. Словно в забытьи Наташа подняла венок и водрузила на голову.

– Я – ангел. Чисто ангел. – безумный смех смешался с шумом ливня. Она смеялась, сотрясаясь всем телом. Наклонилась над колодцем – внизу не было ни неба, ни зеркала. Лишь тёмная гулкая муть. Она затягивала, обещая забвение. – Я – ангел…

Эхо, отражаясь от стенок колодца, какое-то время звало её, потом раздался гулкий всплеск, и всё стихло. Только равнодушный дождь шелестел по измятой траве.

1974 г.

– Колька! Колян! – нетерпеливый голос в сопровождении барабанной дроби в окно бил как набат. – Колька!

Николай отложил портативный магнитофон, подаренный отцом, и выглянул в окно. Друг Серега, нафуфыренный, в желтой рубашке и шоколадных клешах выступал из вечерних сумерек лимонным светлячком. Ах, да… танцы.

Николай вспомнил, что сегодня в парке играет ВИА из областного центра. Народу будет!

– Иду, не кричи! – Николай махнул другу и кинулся к шкафу.

Из недр шкафа достал джинсы, настоящая фирма, ливайсы. И рубашку. Нет, лучше футболку с надписью «ABBA». Всё-таки хорошо, когда у тебя отец – секретарь райкома. И шмотки может достать импортные, и технику. Парни нервно курят в сторонке, девчата виснут гроздьями. Интересно, кто сегодня? Сергей что-то лепетал про Маринку, повариху из стройотряда. Надо будет присмотреться.

На танцплощадке – не протолкнуться. Молодежь выкидывала коленца под незатейливые песенки заезжих музыкантов. Появление Николая заметили сразу. Как же – местная звезда! Сергей привычно топтался позади друга. Николай не считал нужным скромничать. Зря, что ли, отец доставал дефицит? Уверенно пройдя в центр площадки, закрутил первую подвернувшуюся девчонку.

Пунцовая от неожиданного внимания райкомовского сынка, девица спотыкалась и никак не могла попасть в такт музыке. Насладившись произведенным эффектом, Николай передал девушку другу, а сам вытянул в круг следующую. Девицы, кто посмелее, сами проталкивались поближе, призывно ловили взгляд, облизывали язычком напомаженные губки, словно невзначай задевали пальчиками за локоть, спину, чьи-то руки легли на плечи, а к телу прижались остренькие грудки.

«Что за курицы! – Николаю было и лестно всеобщее внимание, но одновременно и противно. Где-то на краю сознания он понимал, что льнут они не к нему, а к сыну секретаря райкома, к стильным шмоткам и с надеждой на приобщение к источнику достатка. – Это всё не то. Мне нужна самая лучшая!»

Вдруг резко заболела голова, в глазах поплыло. Николай тряхнул головой, слабость ушла.

«Что за черт? Неужели вчерашние раки дали о себе знать? Вроде свежие были. Надо будет сказать отцу».

Затылок опять пронзила острая боль, не давай додумать мысль. Словно кто иглой проткнул мозг и добрался до изнанки глаз. Холод мурашками разбежался по телу, проник в сердце и растворился тупой ноющей болью.

Николай оттолкнул повисшую на нем девчонку, выбрался из танцующей толпы.

«Неужели сердце?» – Николай перепугался не на шутку. Недавно в одночасье умер дед. Здоровый крепкий мужик, никогда не болеющий даже простудой. Остановилось сердце. Так сказал доктор, спешно вызванный из больницы.

Присев на лавочку, машинально огляделся и наткнулся на пристальный взгляд черных, будто бездонных, глаз. Девица, лет двадцати, бледное лицо обрамляют черные кудри, целая копна кудрей! Пухлые, манящие губы, не прячущие улыбку. Настойчивый, прямой взгляд. Опять резануло холодом. Моргнул, встряхнулся – никого. Куда она подевалась? Николай, забыв про сердце, вскочил со скамейки и ринулся в толпу, туда, откуда смотрела на него незнакомка. Да, эту девушку он видел впервые. Она не из местных. Смотрела пристально, не краснела, глаз не отвела. Она прямо-таки пялилась на него. Напоказ пялилась. Смелая… Под ложечкой сладко заныло. Он хотел поближе познакомиться с ней. Кто она? Та самая Маринка из стройотряда? Надо спросить у Сереги.

Николай огляделся – друга нигде не было видно.

«А-а-а-а-а, плевать! Сам найду» – подумал Николай и опять нырнул в толпу.

Оббежав всю площадку три раза, остановился, отдышаться. Теперь боль пронзила висок и отозвалась в ухе нестерпимым звоном. Николай краем глаза уловил движение. Она! В темноте мелькнул светлый подол. Туда! В темном туннеле аллеи послышался смех. В груди защемило. Николай вытер вспотевший лоб. Стало холодно. Неужели заболел? Перекупался, что ли?

«Может ну ее, эту девицу? Не ровен час с приступом свалюсь. Что-то не то со мной» – мысль, едва оформившись, испарилась под обжигающим взглядом бездонных глаз.

Девушка стояла прямо перед Николаем.

«Откуда она взялась?» – Николай мог поклясться, что секунду назад аллея была пуста. – «Наверное, свернула с боковой тропинки».

– Привет! – голос незнакомки был низким, словно простуженным, и от этого невообразимо притягательным. – Ты – Николай, да?

– Н-н-ник-кх-х, – слова никак не хотели покидать горло и столпились там жестким комом, – угу.

– А я – Наташа, – девушка, не отрывая от Николая черных глаз, улыбнулась. – Ты меня искал?

От каждого ее слова по телу расходились волны то жара, то холода. В голове пульсировала боль. А сердце, казалось, билось через раз.

– У-у-у-у, да ты совсем раскис, – лба коснулась прохладная рука, прогоняя боль. Николай вздохнул, мечтая, чтобы рука так и оставалась на лбу. – Ничего, это духота от толпы. Пошли, погуляем.

Девичья ладонь соскользнула со лба Николая и нашла его руку.

– Пойдем! – потянула за собой, засмеялась, откинула голову.

По плечам рассыпались темные блестящие кудри. От них пахло рекой и нежно-сладко какими-то цветами.

– Пойдем, – голос, наконец-то вернулся к Николаю, а вместе с ним и силы. Николай шел туда, куда вела его Наташа, не разбирая дороги, не видя ничего, кроме ее кудрей, бездонных глаз и манящей улыбки.

Июньские ночи коротки. Николай не успел наговориться и насмотреться на Наташу, как небо за лесом зарозовело, стали просыпаться петухи и собаки. Только по лесным низинам и полянам висели клочья тумана.

– Николенька, мне пора, – Наташа вывернулась из объятий парня. – не провожай, не надо. Если хочешь, приходи, как стемнеет, к старому колодцу.

Нежные девичьи руки надели на голову парню венок из мелких голубых цветов.

– Не забывай меня, свою Наташу – прошептала, не отрывая бездонных глаз. Николай не понял, кто сделал первое движение, но их губы слились в поцелуе. В голове запульсировало, мир вокруг завертелся, звуки, цвета и запахи исчезли. Осталась лишь она – его Наташа. Его жизнь.

Когда к нему вернулась способность видеть, слышать и чувствовать, рядом никого не было. Лишь венок из незабудок напоминал о ночном знакомстве.

1.

Июнь, 2022 г.

Алекса. Почему родители дали мне такое имя? Неужели не могли придумать что-то более обычное? Александра, например, Сашка. Или Алёна. Ну, Елена, в конце концов. Так нет же. Алекса. Им, видите ли, хотелось, чтоб родился мальчик, Алёшка. А тут – бац, и я! Девочка. Алекса. От Алексея. Алексей – Алекса. Лёшка. Офигеть, остроумно! Оригинальность предков иногда зашкаливает. Ладно бы, жили где-нибудь на островах. Или в какой-нибудь европейской стране. Там всем пофиг, как тебя зовут. Там вообще всем на всех наплевать. Но здесь, в маленьком, богом забытом городке, всем до всего есть дело! И имя Алекса среди старинных колоколен, улиц, вымощенных булыжниками, и полей, заросших иван-чаем и васильками, звучит неуместно.

Почувствовав, как раздражение едкой волной подступает к горлу, а за ней холодком ползет обида на родителей и весь мир, я глубоко вздохнула и открыла глаза. Перед глазами колыхались верхушки сосен, а между ними проглядывало нестерпимо яркое, голубое небо. По небу плыли облака. Где-то на границе слуха шелестел речной прибой, слышались плеск и возгласы купающихся. Какая-то женщина визгливым голосом звала Славика, который никак не хотел выходить на берег и греться на солнце. В общем, ничего особенного. Обычный летний день обычной жизни обычной девочки с необычным именем.

Это несоответствие необычности и обыденности совсем не радовало. Лучше уж наоборот – пусть бы я звалась какой-нибудь Дашкой или Наташкой, но имела маленький аккуратный нос, длинные прямые, чёрные, как смоль, волосы и губы в пол-лица. И городок назывался как-нибудь Вилла-Гранде или, на худой конец, Париж. И стоял бы он не на берегу речки, а у моря, где в ночи на утёсе зажигается маяк, чтобы освещать путь кораблям. И всем нет никакого дела до твоего имени.

– Лешка, ты чего тут одна? – обдав веером ледяных брызг, плюхнулась на траву Юлька. – Пошли купаться! Там, кстати, Алекс приехал.

И заржала. Юлька смеялась так, как девушки в шестнадцать лет не смеются. Так можно гоготать в пять, ну или в десять лет. Но потом?! Юлька смеялась громко, всем горлом, открыв рот, похрюкивая в точке апогея. Это было именно ржание. При этом она не отрываясь смотрела на меня, прямо пялилась. Я почувствовала себя неуютно, словно меня рассматривали через лупу. Юлькины чуть раскосые тёмно-карие глаза внимательно наблюдали за моей реакцией.

Я перевела взгляд на изумрудно-атласную воду заводи. Заросший гусиными лапками берег в этом месте круто обрывался в омут, течение убыстрялось, и на поверхности закручивались маленькие водоворотики. Только бы не выдать себя.

– Что ещё за Алекс?

– Ну, Алекс, пацан с того края. Потаповых внук. На каникулы приехал. Ну ты чего! Они каждый год приезжают с родителями, а эти два года из-за пандемии не приезжали. А сейчас

приехал опять. Один! – Юлька помолчала, а потом добавила – Таакоооой стал… взрослый! Прямо красавец!

Вот же, прицепилась. Нет, я любила Юльку, но иногда она была невыносимой.

– И что, мне теперь молиться на него? – голос вроде бы ничего, безраличный. Или перегнула палку? – Красивый, говоришь? Уж не втюрилась ли ты сама, а?

– Ой, кого ты хочешь обмануть? Ну если и втюрилась? Тебе же нет до него «никакого дела». – Юлька весьма точно спародировала мою интонацию минуту назад и даже повторила, как я надевала очки. Разве можно на неё долго дуться? Да и правда, что мне этот Алекс?

– Ладно, Юль, пойдем поглядим на этого красавца.

В компании ребят выделялся высокий светловолосый парень. Он взобрался по стволу старой ветлы, нависшей над водой, и теперь стоял в развилке ветвей с поперечиной тарзанки в руках. Понятное дело, прыгать с тарзанки в воду было любимым развлечением. Даже девочки, желая показать себя перед парнями, иной раз прыгали с ней. Ну-ну, посмотрим.

Белобрысый выпрямился, поймал равновесие, чуть присел и оттолкнулся от дерева. Веревка понесла его на середину реки, и, когда дуга полета достигла самой дальней точки, отпустил палку и прыгнул. При этом умудрился перевернуться в воздухе и войти в воду красивой ласточкой, а не дрыгающим ногами тюленем. Эффектно.

– Ух ты! Круть! – Юлька охала рядом, смотря на белобрысого восхищенным взглядом.

Вслед за ним по стволу уже карабкался следующий прыгун. Белобрысый несколькими мощными гребками подплыл к мелководью и вышел на берег.

Это был не Алекс. Вернее, все приметы мальчишки, который остался у меня в памяти, совпадали, кроме разве что роста, – и светлые волосы, и голубые глаза, и даже родинка над губой. Но это был не Алекс. Я растерянно посмотрела на Юльку. Она продолжала пожирать незнакомца глазами. Глупая улыбка приклеилась к её лицу.

– Аля? Привет. Я тебя сначала не узнал. – Алекс, который «не Алекс», улыбался мне с высоты своего роста.

Голос, кстати, тоже был не его. Я никогда не слышала у него этих высокомерных ноток старшего брата.

Алекс был парнем городским, изнеженным цивилизацией, и потому с наивным восхищением внимал аборигенам. Впитывал знания о здешней жизни и учился таким важным вещам, как матюкаться, харкать сквозь зубы, играть в «воду» и в «дурака» на мелочь. Всегда давал поиграть в крутые игрушки типа квадрокоптера или планшета с мультиками. Алекс всегда слушался старших, по первому зову шёл обедать и ужинать, а также часто пропускал беготню по улице ради поездок с отцом и дедом на рыбалку. Он был слегка трусоват, и потому с опаской участвовал в набегах на соседские сады и огороды, а уж с тарзанки никогда не прыгал, за что зарабатывал снисходительные усмешки местной пацанвы.

Ни за что не поверю, что можно так измениться за два с небольшим года. Последний раз, когда он с родителями приезжал на каникулы, мне было почти четырнадцать, а ему уже исполнилось пятнадцать. Стоящему передо мной парню было, как минимум, лет двадцать.

– Я тоже тебя не узнала. Ты здорово изменился. Тебя у мамы подменили, что ли?

«Не Алекс» растянул губы в улыбке и рассмеялся громко, словно напоказ. А глаза смотрели на меня настороженно. В спину кольнул холодок страха, по рукам и ногам пробежала волна мурашек. Неспроста, ох неспроста.

– Так же, как и тебя. Я помню тощую девчонку с веснушками, а сейчас передо мной… – его взгляд оценивающе пробежался по моей фигуре, брррр, – «клёвая чувиха»!

И опять расхохотался. Я подавила разочарованный вздох – парни всегда одинаковые. Интересно, что они почувствуют, если девочки начнут вести себя также? Хотя, судя по всему, им это совсем не мешает. Вон Юлька как на него пялится. И никакого подвоха не чувствует.

– Алекс! Твоя очередь! – возглас одного из ребят, кажется Гришки Мопеда, прервал наш разговор.

«Не Алекс» обернулся на зов, махнул рукой и полез на дерево. Мы с Юлькой остались одни. Вся компания суетилась около воды.

– Юль, тебе не кажется, что это не он?

– С чего ты взяла? Он, конечно! А кто же ещё? – Юлька помолчала, оценивающе рассматривая карабкающуюся по стволу фигуру. – Нет, он, конечно, изменился, вырос. Но не настолько, чтобы его не узнать. Я его сразу узнала.

– Наверное, – я не стала спорить с подругой, решила поразмышлять и понаблюдать. – Я домой. А ты как, со мной?

Юлька осталась на пляже с ребятами, чему я была только рада. Надо было собраться с мыслями.

2.

Два года назад.

– Алька! Алька-а-а-а!

– Иду, не кричи! – я выглянула в окно, приложив палец к губам.

Под окном белела голова мальчишки с соседней улицы – Алекса, приехавшего на каникулы к бабушке-дедушке.

Было ещё темно, но небо уже начинало сереть. На его фоне резко выделялись деревья, колокольня церкви и купола монастыря за речкой. Я осторожно подняла шпингалет, стараясь не шуметь и не разбудить мать, спавшую в летнюю жару на диване в большой комнате. Оконная рама слегка скрипнула. Я замерла – в доме царила сонная тишина, слышалось посапывание мамы и тиканье больших напольных часов.

Открыв окно, спрыгнула с подоконника на траву под окном. Алекс топтался рядом, зябко поеживаясь от утренней прохлады. Опять приложив палец к губам, махнула в сторону огородов.

– Пошли, только тихо!

Алекс послушно кивнул и засеменил за мной, буквально через пару шагов наступив на сухую ветку, затем запутавшись в плети вьюнка. Стараясь не обращать внимание на его пыхтение, я молча шла по маленькому проулку позади огородов. Здесь, по заросшей травой тропинке, ходили за водой к старому колодцу, когда надо было солить огурцы, а также гоняли на луг коров, коз и прочую травоядную живность. Но сейчас, ранним утром, вокруг было тихо и пустынно.

– Чёрт! О-о-о-о-й… – сзади раздался стон, – тут крапива.

Вот нытик. Мои лодыжки и икры тоже горели огнём – в темноте я случайно сошла с тропинки в крапивные заросли.

– Тихо ты! Сейчас всех перебудишь. Нам надо успеть до петухов, а то ничего не получится! Пошли быстрее!

Наш путь лежал через луг к старому колодцу. Поговаривали, что в нём водится русалка. Только одну неделю в год, на русальной неделе, она выбирается наверх и плетёт венки из незабудок, во множестве растущих возле колодца. Именно тогда русалка может исполнить желание человека. Мне позарез надо было кое о чем попросить. Чтобы не было сильно страшно, нужен был катализатор. Им стал Алекс – робкий, наивный мальчик из большого города. На его фоне я чувствовала себя опытной и бесстрашной. А он, жадный до новых впечатлений, с радостью составил мне компанию.

Огороды кончились, вдали через луг показалась тёмная громада деревьев. Колодец стоял на самой границе луга и леса. Казалось, я вижу в предрассветном тумане теремок крыши колодца. Белёсые тени скапливались в низинах, обтекали холмики и кусты. Луг словно дышал под белым пуховым одеялом. Резко вскрикнула ночная птица, колыхнулись заросли аира,

белая тень метнулась туда, где был колодец. От неожиданности я подскочила, за спиной испуганно охнул Алекс.

Схватив его за руку, потянула вниз. Мы присели в зарослях иван-чая, затаившись и наблюдая. В ушах гулко стучало сердце. Под пальцами трепыхался пульс Алекса. Противно заныло в животе, и стало холодно в носу. Не хватало ещё хлопнуться в обморок. Я нащупала на груди крестик, который предусмотрительно надела для защиты от русалки. Стало легче.

На лугу было тихо. Птица больше не кричала, тени не метались. Время шло – со стороны речки, между лесом и огородами небо окрасилось в бледно-розовый цвет. Скоро запоют петухи, и первые коровы потянутся на пастбище. Если идти, то сейчас.

Крадучись и замирая после каждого шага, пересекли луг и почти вплотную подобрались к колодцу. Никого. Только слышно, как внизу капает вода. Мы заглянули в сырую прохладную темноту колодца. Алекс перегнулся через сруб.

– Эй!

– Э-э-э-й… – отозвалось внизу.

– О-у!

– О-о-о-у-у-у…

– Ты дурак?! – мой гневный шепот прервал жутковатую перекличку.

Алекс поднял улыбающееся лицо и посмотрел на меня. Потом его взгляд сместился куда-то мне за ухо, и улыбка сползла с его лица. Мое сердце, гулко стукнув, устремилось вниз, как бывает, когда катишься с горки. Лоб покрылся противной испариной. Я резко обернулась – позади никого не было. Лишь колыхнулись ветви осины, росшей сразу за колодцем. Большая птица, мягко взмахивая крыльями, серой тенью скользнула между стволов. Филин. Меня слегка потрясывало. Пальцы вцепились в холодный сруб колодца. Облегченно переведя дух, я опустила глаза – на краю сруба, там где смыкаются бревна, лежал венок из незабудок.

– Оум! – сзади раздался приглушенный вскрик, и через несколько мгновений – тихий всплеск. Я оглянулась – Алекса рядом не было. Перегнулась через бревно и заглянула в колодец. Ни черта не видно!

– А-але-е-екс! Ты что, упал? – спросила я у тёмной глубины.

– У-пал-пал-пал… – ответила глубина и всё затихло.

Я напряженно прислушивалась. Наконец, внизу заплюхало.

– Аля-я-а-а-а! Я упал!

– Ты там живой?

– Живой, но тут холодно!

– Ты держись, я сейчас!

Алекса надо было спасать, пока не заработал воспаление лёгких. Где-то далеко раздалось первое робкое кукареканье, затем его поддержали другие певуны. И вот уже вся округа голосисто приветствовала восход солнца. Первый луч, пробившись через призрачный туман, сверкнул солнечным зайчиком на цепи колодезного колеса. Точно!

– Алекс, я скину цепь, ты хватайся, я тебя вытяну.

Цепь, гремя и извиваясь, понеслась вниз. В какой-то момент её тяжесть перевесила мою, ручка колеса вырвалась из рук и колесо, вращаясь с сумасшедшей скоростью, размотало всю цепь.

– Давай, я держусь! – голос Алекса эхом отдавался от стенок колодца, казалось, там сидят несколько Алексов и ждут, когда я их спасу.

Я покрепче ухватилась за отполированную сотнями ладоней ручку и начала крутить колесо. Это оказалось не так уж и легко. Я понимала, что, если не удержу, то Алекс опять полетит в ледяную воду. Поэтому старалась изо всех сил. Когда на уровне сруба показалась его голова, и дрожащие руки ухватились за край колодца, у меня уже не было сил помогать ему выбраться. Главное я сделала. И теперь сидела на траве, отрешенно наблюдая, как Алекс

выкарабкивается из злополучного колодца. Наконец, он перевалился через брёвна и в изнеможении упал рядом со мной.

Всю обратную дорогу мы молчали. То ли от усталости, то ли от страха задать вопрос, на который придётся отвечать. Это происшествие связало нас общей тайной, которую мы не обсуждали и никому не рассказывали. Словно русалка взяла с нас обед молчания. Да и была ли русалка? Уже на следующий день Алекс, как ни в чем не бывало, гонял с мальчишками на велике и резался в дурака, вскрикивая «А вот тебе туза козырного!» и звонко щёлкая картой.

То лето было последним перед пандемией, когда все на два года надели маски и засели дома. Ни Алекс, ни его родители не приезжали. А Потаповы, бабка и дед, слегли с коронавирусом. В этом не было ничего удивительного, потому что в городке переболели почти все, по провинциальной привычке забивая на меры предосторожности. Спустя полгода бабка Потапова пошла за водой к тому самому колодцу – собиралась мочить яблоки, поскользнулась и упала. И больше уже не встала. Но даже на её похороны никто из детей или внуков не приехал. Дед вместе с соседями проводили бабку в последний путь, и жизнь потекла своим чередом.

3.

Воспоминания проступали всё отчетливей, освещая те моменты, которые тогда, два года назад, казались обыденными, а сейчас, по меньшей мере, странными. Я шла по луговой тропинке и удивлялась своей нелюбопытности. Почему я ничего не спросила о том, как Алекс умудрился упасть в колодец с высокими и толстыми стенами? Почему ответил не сразу? Потерял сознание или испугался? И что или кого он увидел за моей спиной? Откуда взялся на краю колодца венок из незабудок? Я была уверена – когда мы пришли, никакого венка там не было.

По спине опять пополз противный холодок. Даже жаркий полдень не смог унять озноб. Я попыталась вспомнить, почему после этого происшествия мы с Алексом так и не смогли поговорить. Оба словно избегали этой темы, и даже перестали общаться, делая вид, что едва знакомы. Странно. Я вспомнила, что Алекс потом почти сразу уехал, хотя обычно оставался на всё лето.

И это его неожиданное и эффектное появление спустя два года – очень подозрительно! Надо будет аккуратно выяснить, что он помнит из тех событий. И помнит ли вообще. Потому что, если это не Алекс… То тогда кто?

Тем временем тропинка привела меня к старому колодцу. Светило солнце, порхали бабочки и голубые стрекозы, коровы сонно жевали, что они там должны были жевать, – в общем, пасторальную картинку не нарушало ничто таинственное. Тихонько поскрипывало колодезное колесо и слышались всплески воды. Кто-то набирал воду из колодца.

Я замедлила шаг и тихонько выглянула из-за поворота тропинки. У колодца маячил цветастый платок. В таких платках у нас ходили старушки, повязывая голову летом от жары, а осенью и зимой от холода. Облегченно выдохнув, я прибавила шагу.

У колодца суетилась баба Нюра, Юлькина бабушка. Тяжело кряхтя, она крутила ручку, поднимая ведро студёной воды. Ещё одно полное ведро уже стояло рядом с ней.

– Баб Нюр, здравствуй! Давай помогу.

– А, это ты, Лёшечка! А то я испугалась, аж сердце зашлось.

Я перехватила у бабы Нюры ручку колеса – ведро пошло быстрее. Баба Нюра прислонилась к срубу, сняла платок, чтобы поправить выбившиеся из пучка волосы.

– А ты, деточка, тут одна ходишь? Юлька моя небось на речке прохлаждается. Да и ты с ребятами купалась бы. Пока каникулы.

– Я, баб Нюр, уже накупалась. Мама просила домой пораньше придти – с огородом помочь.

– С огородом – дело хорошее. Передай матери, вечером зайду, козьего молочка принесу.

Ведро наконец было вытащено из колодца. Ледяная вода настолько прозрачна, что, казалось, в ведре пусто. Вода в этом колодце считалась самой вкусной в округе. Если на ней солить

огурцы – они получались особенно хрустящими и сладкими. Вся округа брала здесь воду на соленья и компоты.

– Баб Нюр, огурцы солить собралась?

– А то, наросли ироды, куды их девать-то… А назавтри русальная неделя начинается. Уж и не пойдешь. Поэтому решила сегодня сходить, пока солнышко светит. И всё равно боязно – как русалка решит раньше времени да не в свой срок вылезти? Известно, нечисть!

Набрав воды, мы неторопливо пошли по знакомой с детства тропинке за огородами. Я несла наполненные до краёв ведра, но не чувствовала их тяжести. Обдумывала, как половчее распросить бабу Нюру про колодец, но чтоб она не подумала, что я специально интересуюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.